

ПАМЯТИ Г. М. ГРИГОРЬЕВА

В газетах были напечатаны объявления, что скончался Григорий Михайлович Григорьев. От семьи и от гимназии, где он преподавал. В день его похорон появилась товарищеская заметка о нём, может быть, появится и ёщё. Кто заметил его имя в объявлениях, в заметках? Он был не из числа людей «знаменитых», имена которых мелькают в объявлениях и на афишах, на улицах, в магазинах, в трамваях...

Такова одна из возмутительностей нашей возмутительной жизни: аристократия прав сменилась аристократией какой-то уличной рекламы...

Григорий Михайлович Григорьев, скончавшийся внезапного от разрыва сердца – один из самых малоизвестных и мало замечательных людей, каких я только знал, – был просто преподавателем физики. Всё и случилось просто: у него давно уже «отчего-то» болело сердце, но знаменитые доктора сказали, что работать можно. Он вышел утром на уроки, почувствовал, что задыхается, вернулся домой и – после недолгих, но страшных мучений – умер. От разрыва сердца...

Да! Но тот, кто видел, как он давал уроки, знает, с каким душевным, а не одним лишь умственным, напряжением давал он каждый из них, тот должен был понять, что никакое человеческое сердце не выдержит этого.

Он был одним из образованнейших и талантливейших людей, но он ни за чем не гнался, кроме влияния на учениц и учеников. Давая уроки, он излагал целое мировоззрение, как свою веру, и притом никогда не считая своих уроков не чем иным, как добросовестными уроками. А между тем это были уроки не только добросовестные, но и вдохновенные. Он не готовился к ним, они были все в нём, в его превосходной памяти; он шёл в класс, зная только, о чём он будет говорить дальше, не зная, во что выльется. Это было настоящее творчество и, как всякое творчество, конечно не ровное. И могло ли быть оно ровным – при 5–6 уроках в день? Но он страдал после каждого «неудачного» урока, т. е. такого, который, кроме него, никто бы не назвал неудачным. После удачного он выходил из класса с разгоревшимися глазами и радовался, как ребёнок. И с таким напряжением он проработал почти 20 лет, изо дня в день.

И разве – одни уроки? Он волновался всем, что совершалось кругом, как личным делом. В революцию был с революцией, в войну – с войной, жил каждым съездом, каждым процессом, каждой новой газетой. И обо всём он думал по-своему, часто неожиданно и остроумно, всегда как-то весело и немного анархически, немножко лукаво и в то же время заразительно-откровенно, словно бы и здесь каждый раз «творя» собственное мнение, так же как давал уроки.

После уроков, в перемены, ученицы вечно окружали его и с детской простотой, не думая о его уставшем сердце, говорили с ним обо всём, что их занимало и волновало, – не только об уроках, о физике, но обо всём на свете. Ни к кому из учителей так просто не подходилось, как к нему. Он любил учениц так, как это умеют, кажется, только русские люди. Он не чувствовал

себя с ними старшим. Всё огромное уважение, какое у них было к нему, шло изнутри, без всякого принуждения. Он никогда не приспособлялся к ним, потому что просто любил их, и оттого они сами к нему приспособлялись невольно, потому что любили его. Его невозможно было не любить. Я начинал всегда недоверчиво относиться к тем, кто способен был в чём-нибудь не поверить ему, почему-нибудь настроиться враждебно.

Вся тесная церковь на Смоленском была так полна, что нельзя было повернуться. Ученицы испуганно жались друг к другу, многие плакали громко. Заупокойная обедня тянулась долго. И в течение всей долгой обедни его дочка, лет 12-ти, белокурая, немножко рыжеватая, так похожая на него с такими же тонкими подвижными чертами, стояла над самым гробом и гладила перебирая его волосы и руки, и целовала его лицо, и плакала беззвучно, и слёзы капали в гроб... И сначала не было сил удержаться от слёз, а потом всё тише и тише становилось на душе у всех, – и, когда понесли гроб на кладбище, казалось, что всё горе от смерти перешло в эту детскую любовь к нему, которую он оставил после себя.

Владимир Гиппиус.